

На правах рукописи



Сунь Фэнпин

**ПРЕДИКАТЫ СОЦИАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
СЕМАНТИЧЕСКИЙ И КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ
АСПЕКТЫ**

Специальность 5.9.5. Русский язык.
Языки народов России

Автореферат
диссертации на соискание ученой
степени кандидата филологических наук

УФА – 2026

Работа выполнена на кафедре русского языка и массовой коммуникации
ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва»

Научный руководитель:

Киселева Лариса Айратовна

доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты:

Кезина Светлана Владимировна

доктор филологических наук, доцент

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Пензенский

государственный университет», профессор
кафедры «Русский язык и методика
преподавания русского языка»

Харченко Елена Владимировна

доктор филологических наук, профессор
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования «Южно-Уральский

государственный университет
(национальный исследовательский
университет)», профессор кафедры
русского языка как иностранного

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Удмуртский
государственный университет», г. Ижевск

Защита состоится «30» сентября 2026 г. в 11 часов 00 минут на заседании
диссертационного совета 24.2.479.08 на базе ФГБОУ ВО «Уфимский
университет науки и технологий» по адресу: 450008, г. Уфа, ул. Карла Маркса,
д. 12.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВО
«Уфимский университет науки и технологий» и на официальном сайте
<https://uust.ru/>

Автореферат разослан «___» _____ 2026 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

канд. филол. наук, доцент



Сафина З.М.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Постоянные изменения в различных областях общественной жизни находят отражение как в коммуникативной практике, так и в системе языка, прежде всего на его лексическом уровне. Именно по этой причине исследование данной проблематики в последние годы привлекает все большее внимание представителей различных лингвистических направлений: социолингвистики, лингвокультурологии, коммуникативной лингвистики, прагмалингвистики и т.д. Если иметь в виду лексическую репрезентацию связей языка и общества, то большую роль здесь играют единицы, обозначающие социальные состояния и являющиеся особым индикатором социокультурных трансформаций. Этим определяется **актуальность** нашего исследования, посвященного рассмотрению основных семантических и коммуникативно-прагматических характеристик предикатов социального состояния в русском языке.

Степень разработанности проблемы. В настоящее время в отечественной лингвистике имеется ряд фундаментальных работ, в которых проводится анализ языковых единиц, обозначающих те или иные состояния. Данные лексемы и фразеологизмы рассматриваются учеными с точки зрения их различных особенностей: семантических, структурных и функциональных [Васильев 2005; Булыгина, Шмелев 1997; Кукатова 2021; Кукса 2007; Кустова 2022; Соколова 2003; Уфимцева 1986; Яковлева 2004 и др.]. Большой интерес у лингвистов вызывает также исследование ключевых характеристик предикатов социального состояния, составляющих обширный класс внутри указанного лексико-семантического поля [Го Шуфэнь 1997; Махашева 1996]. В первую очередь, пристальное внимание исследователей привлекает такая группа языковых единиц, как предикаты имущественного состояния, которые составляют семантическую оппозицию «богатство – бедность» [Гриченко 2016; Клементьева 2008; Кольцова 2024; Куцый 2003; Понамарева 2010; Стешина 2008; Тарасова 2021; Фатымина: электронный ресурс и др.]. Кроме того, в ряде работ рассматриваются языковые репрезентанты независимости, которые также входят в поле социального состояния [Ардашева 2012; Арутюнова 2003; Баранова, Рубцова 2022; Варзин 2011; Попова, Гришенкова 2019; Урысон 2004 и др.]. Вместе с тем многоаспектное исследование предикатов социального состояния в русском языке, которое учитывало бы специфику их семантических связей и функционирования в различных видах дискурса, до настоящего времени не проводилось лингвистами в полном объеме.

Цель диссертационного исследования – систематизированное описание семантических и коммуникативно-прагматических особенностей предикатов социального состояния в современном русском языке.

Данная цель предопределяет постановку и решение следующих **задач**:

1. С опорой на фундаментальные лингвистические работы рассмотреть ключевые принципы описания семантической системы русского языка.
2. Определить основные подходы к анализу предикатной лексики,

предложенные российскими и зарубежными учеными.

3. Представить типологию предикатов состояния в русском языке и установить место предикатов социального состояния внутри данной группировки.

4. С учетом ключевых лингвистических подходов (структурного, когнитивного, прагматического и т.д.) выявить и описать важнейшие содержательные особенности предикатов социального состояния в русском языке, входящих в три микрополя: предикаты имущественного состояния, предикаты зависимого / независимого состояния и предикаты социального угнетения.

5. С привлечением материала Национального корпуса русского языка, а также медиатекстов установить основные закономерности функционирования данных единиц в современном русском языке.

6. Определить обусловленность семантических и коммуникативно-прагматических особенностей предикатов социального состояния языковыми и неязыковыми факторами.

7. Обобщить и целостно представить результаты проведенного исследования.

Объектом исследования являются предикаты социального состояния в русском языке, которые представляют собой структурированную совокупность лексико-фразеологических единиц.

Предметом исследования выступают семантические и коммуникативно-прагматические особенности названных предикатов.

Материалом исследования являются данные словарей различного типа: «Толкового словаря русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова, «Большого толкового словаря русского языка» под ред. С.А. Кузнецова, «Большого толкового словаря русских глаголов» под ред. Л.Г. Бабенко, «Системного семантического словаря русского языка. Предикатная лексика» Л.М. Васильева, «Русского семантического словаря» Н.Ю. Шведовой, «Фразеологического словаря русского литературного языка» А.И. Фёдорова и т.д. Кроме того, для иллюстрации сформулированных нами положений привлекались данные Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), а также медиатекстов, размещенных на информационных интернет-ресурсах «РИА Новости», «Коммерсантъ», «РБК», «Lenta.ru», «Рамблер», «Ведомости», «Российская газета», «Известия», «Комсомольская правда», «АиФ» и др. Общий объем проанализированного материала составляет около 300 лексико-фразеологических предикатов, а также более 500 контекстов, в которых употребляются данные единицы.

Фактический материал анализируется нами с использованием общенаучных **методов** (описание, сопоставление, классификация, обобщение и т.д.), а также специальных лингвистических методов: дефиниционного анализа, контекстуального анализа, дискурс-анализа и т.д. По мере необходимости привлекались также приемы статистического анализа.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в нем впервые:

1) проведено целостное описание предикатов социального состояния в русском языке как структурированного множества лексико-фразеологических единиц, в основе которого лежит ряд семантических (в том числе оценочных) оппозиций;

2) с опорой на основные лингвистические подходы (системно-структурный, функционально-семантический, когнитивный, прагматический и др.) выявлены и охарактеризованы ключевые признаки предикатов социального состояния в современном русском языке;

3) с привлечением материала Национального корпуса русского языка и современных медиатекстов определены основные закономерности употребления рассматриваемых предикатов в различных видах дискурса, а также коммуникативно-прагматические особенности данных единиц, связанные с интерпретацией социальных явлений носителями русского языка;

4) установлены собственно языковые и неязыковые факторы, которые обуславливают семантическую и прагматическую специфику предикатов данного типа.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что рассмотрение заявленной в ней проблематики вносит вклад в решение ряда дискуссионных вопросов, которые ставятся в рамках таких лингвистических направлений, как семасиология, социолингвистика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика, лингвопрагматика, теория дискурса и т.д. Так, полученные нами результаты могут быть учтены при дальнейшей разработке проблем, связанных с определением отличительных особенностей предикатов состояния как особого класса языковых единиц. Кроме того, обращение к предикатам социального состояния помогает глубже понять взаимосвязи языка, общества и культуры. Результаты исследования могут быть использованы также для анализа стратегий языкового конструирования социальной реальности в разных видах дискурса: политическом, медийном, экономическом, юридическом и т.д.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования ее результатов при разработке и преподавании ряда вузовских лингвистических курсов (современный русский язык, когнитивная лингвистика, социолингвистика, лингвокультурология, теория текста и дискурса и др.), при создании учебно-методических пособий по данным дисциплинам и т.д. Кроме того, материалы исследования могут быть использованы при составлении словарей различного типа (семантических, толковых и др.), при подготовке и редактировании медиатекстов, посвященных рассмотрению социально-экономической, политической, культурной проблематики, и т.д.

Гипотеза исследования: предикаты социального состояния в русском языке обладают рядом семантических и коммуникативно-прагматических свойств: к числу первых можно отнести довольно четкое противопоставление данных единиц по оценочному признаку, контекстуальную вариативность их значения, использование ряда продуктивных метафорических моделей для языкового выражения представлений о социальном состоянии; к числу вторых

– соотнесенность с социальными практиками, идеологическими и ценностными установками языкового коллектива, которые обуславливают особенности употребления рассматриваемых единиц в определенных видах дискурса.

Основные положения диссертации, которые выносятся на защиту:

1. Предикаты социального состояния в русском языке образуют структурированное множество лексико-фразеологических единиц, в рамках которого языковые единицы организуются по принципу оппозиций и иерархической соподчиненности, например: «богатство – бедность», «зависимость – независимость» и др. Репрезентация семантики социального состояния осуществляется с помощью широкого круга языковых единиц, которые выражают знания о социальных явлениях через выбор актантов и актуализацию моральной оценки.

2. Исторические трансформации в социальной сфере могут приводить к изменению значения и частотности употребления анализируемых предикатов. Актуальными являются следующие тенденции: 1) архаизация лексем, которые становятся стилистическими маркерами для критики устаревших практик (*закрепощать, неволить* и т.д.); 2) ресемантизация лексем, позволяющая описывать новые формы социального угнетения (*рабство* → *цифровое, информационное, высокотехнологичное рабство; кабала* → *долговая, кредитная кабала* и т.д.); 3) использование предикатов социального состояния в иронических и эвфемистических контекстах, которые служат инструментом усиления или смягчения оценки социальных явлений носителями языка.

3. Значимое место среди предикатов социального состояния занимают языковые единицы, которые репрезентируют продуктивные метафорические модели, прежде всего пространственные и антропоморфные. Метафорическое моделирование социальных отношений как пространственного взаимодействия («верх – низ», «внутри – снаружи» и т.д.) в русской лингвокультуре наполняется специфическим содержанием: вертикальная ось выражает двойственный смысл, когда восхождение одновременно определяется и как социальный успех, и как моральный упадок. Антропоморфные метафоры репрезентируют социально-экономические абстракции через телесные коды, создавая эффект «оживления» данных процессов. Метафоры социального угнетения (*оковы, иго, цепи, тиски, путы* и т.д.) не только отражают архаичные социальные практики, но и приспособляются к номинации новых реалий. Указанные метафорические модели передают ценностное отношение носителей русского языка к социальным феноменам.

4. Предикаты социального состояния выступают средством языкового конструирования социальной реальности, в связи с чем обладают значительным коммуникативно-прагматическим потенциалом, который обуславливает их активное использование в рамках определенных видов дискурса: политического, медийного, юридического и т.д. При этом отмечаются различные тенденции употребления анализируемых предикатов в текстах того или иного стиля и содержания: так, предикаты социальной

зависимости преимущественно используются в текстах официально-делового стиля, в то время как языковые единицы со значением независимости в основном употребляются в текстах, описывающих личностный рост и практики самосовершенствования.

Диссертационное исследование соответствует следующим пунктам Паспорта научной специальности **5.9.5. Русский язык. Языки народов России:**

- п. 4. Лексический строй русского языка, другого языка России (слово как основная единица языка, лексическая семантика, типы лексических единиц и категорий, структура словарного состава, функционирование лексических единиц, развитие и пополнение словарного состава, лексика и фразеология в их связи с внеязыковой действительностью);

- п. 7. Текст, дискурс, дискурсивные практики в русском языке и других языках России;

- п. 10. Исследование уровневой и культурно- (или национально-) обусловленной специфики в репрезентации знаний, в том числе, в разных языковых сообществах представителей русского языка, другого языка России.

Теоретико-методологической базой исследования являются работы российских и зарубежных ученых, посвященные рассмотрению следующих проблем лингвистики:

- описание семантической системы русского языка в ее синхронном и диахроническом состоянии (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, Л.М. Васильев, В.В. Виноградов, И.М. Кобозева, М.А. Кронгауз, М.В. Никитин, Л.А. Новиков, О.Н. Селиверстова, А.Д. Шмелёв и др.);

- семантическая классификация предикатной лексики русского языка в зависимости от различных критериев (Т.В. Булыгина, Л.М. Васильев, О.Н. Селиверстова, А.А. Уфимцева, Н.Ю. Шведова и др.);

- выявление семантических, структурных и функциональных характеристик предикатов состояния (Г.И. Кустова, А.А. Камалова, Н.А. Николина, Е.В. Падучева, А.А. Уфимцева, А.В. Циммерлинг и т.д.);

- рассмотрение когнитивных аспектов языковых явлений (Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова, Дж. Лакофф и М. Джонсон, Э. Рош и др.);

- изучение коммуникативно-прагматических особенностей языковых единиц (Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Г.П. Грайс, Дж. Остин, Е.В. Падучева, Д. Спербер и Д. Уилсон, И.П. Сусов и т.д.);

- анализ лингвокультурной специфики различных пластов русской лексики (А. Вежбицкая, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов и др.).

Апробация работы. Основные результаты исследования были представлены в виде выступлений с докладами на научных и научно-практических конференциях различного уровня: Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы лингвистики XXI века» (Самара, 2023 г.), XIII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции молодых ученых «Майские чтения» («Язык и репрезентация культурных кодов») (Самара, 2023 г.), XXXVI Международной

научно-практической конференции «Актуальные вопросы иноязычной филологии, переводоведения и лингводидактики в контексте межкультурного взаимодействия» (Чебоксары, 2024 г.), XXXVII Международной научно-практической конференции «Вопросы иноязычной филологии, переводоведения и методики преподавания иностранных языков: новые подходы и актуальные исследования» (Чебоксары, 2024 г.), Всероссийской (с международным участием) междисциплинарной научно-практической конференции «Цифровая коммуникация, цифровая идентичность в условиях глобализации» (Уфа, 2024 г.), XXXVIII Международной научно-практической конференции «Иноязычная филология, межкультурная коммуникация и лингводидактика в контексте современных исследований», посвященной 95-летию со дня образования Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева и 100-летию академика Е.А. Букетова (Чебоксары, 2025 г.), третьей международной научно-практической конференции «Человек в информационном обществе», посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне (Самара, 2025 г.). Кроме того, результаты проведенного исследования были представлены в виде выступлений на научном семинаре молодых ученых, организованном кафедрой русского языка и массовой коммуникации факультета филологии и журналистики социально-гуманитарного института ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва» (2023, 2024, 2025 гг.). Диссертация была обсуждена на заседании кафедры русского языка и массовой коммуникации социально-гуманитарного института ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва».

Основные положения диссертации представлены в 10 опубликованных работах, в том числе в 3 статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Структура работы определяется теми целями и задачами, которые мы ставим перед собой: диссертация содержит введение, две главы, заключение и список литературы, в который входит 169 наименований. Общий объём работы составляет 183 страницы печатного текста.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении формулируется актуальность исследования, определяются его цели и задачи, объект и предмет, даются сведения об фактическом языковом материале и методах его анализа, излагается гипотеза исследования и основные положения, выносимые на защиту, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации, приводится информация об апробации результатов исследования и о его соответствии паспорту специальности, описывается структура работы.

В первой главе – «**Теоретические основы исследования предикатов социального состояния в русском языке**» – определяются основные

методологические положения, на которых базируется анализ предикатов социального состояния в русском языке: выявляются принципы описания семантической системы русского языка (структурные, функциональные, когнитивные, прагматические и т.д.); раскрываются основные подходы к анализу предикатной лексики (лексико-семантические, синтаксические, когнитивные, прагматические и др.); детально освещаются ключевые признаки, по которым осуществляется классификация предикатов состояния, а также определяется место предикатов социального состояния внутри этой группы языковых единиц.

В разделе 1.1. «Принципы описания семантической системы русского языка» с учетом концепций ведущих российских и зарубежных лингвистов (Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Т.В. Булыгиной, А. Вежбицкой, Г.П. Грайса, Ю.Н. Караулова, Дж. Лакоффа, Дж. Остина, Е.В. Падучевой, В. Порцига, Й. Трира, А.А. Уфимцевой, Ч. Филлмора и др.) рассматриваются основные принципы, с опорой на которые может быть описана специфика семантической системы русского языка:

1. Структурные принципы, связанные с представлениями о системности языка и наличии семантических отношений между его единицами, которые проявляются в виде наличия семантических классов разного типа. В основе данных принципов лежит дифференциация семантических компонентов, которая, в свою очередь, дает возможность определить связи лексических единиц. Эти принципы предполагают установление иерархии значений в семантической системе языка, выявление и описание семантических полей и их структуры, анализ взаимосвязей между словами и понятиями. Например, группировка лексики на основе общих содержательных признаков является ключевым методом для демонстрации того, как значения слов организуются в иерархические системы – семантические поля.

2. Функциональные принципы, которые предполагают исследование синонимических и антонимических связей между лексемами, а также семантических сдвигов, происходящих в определенных контекстуальных условиях, прежде всего метафоры и метонимии. Учет данных принципов дает возможность лучше понять не только семантическую организацию языка, но и закономерности употребления лексических единиц в речи. Например, омонимия и полисемия демонстрируют действие принципа языковой экономии, так как позволяют выразить разнообразное содержание за счет ограниченного числа единиц. В частности, метафора – это не только образное средство, но и источник «новых значений слов, которые наряду с характеризующей способны выполнять номинативную (идентифицирующую, классифицирующую) функцию» [Языкознание 2000: 296]. В когнитивной лингвистике признается, что метафора и метонимия являются базовыми, универсальными механизмами осмысления человеком окружающего мира [Лакофф, Джонсон 2004].

3. Когнитивные принципы, подразумевающие углубленное изучение особенностей отражения ментальных структур в языке, в том числе концептов, прототипов и т.д. Ментальные модели выступают центральными элементами,

связанными с когнитивным подходом к лексической семантике, и играют важнейшую роль в организации знаний человека о мире и интерпретации языковых выражений. Важным направлением является также анализ культурно-специфических аспектов семантики русского языка: своеобразие значений лексических единиц во многом объясняется стоящими за ними концептами, которые отражают так называемые «культурные скрипты», тесно связанные с особенностями менталитета и мировосприятия того или иного народа [Вежбицкая 2011]. В рамках лингвокогнитивного подхода разрабатывается прототипическая теория, которая используется для объяснения семантики слов: категории в языке являются не статичными, а гибкими структурами, отражающими когнитивные процессы [Rosch 1978; Лакофф 1981].

4. Прагматические принципы, которые направлены на анализ аргументной структуры предикатов, их контекстуального смысла, а также компонентов речевой ситуации, в том числе пресуппозиций и импликаций. В работах современных лингвистов прагматика рассматривается как неотъемлемая часть семантического анализа, позволяющая раскрыть то, как значения слов адаптируются к различным ситуациям общения. Например, пресуппозиции и импликации соотносятся с неявными компонентами смысла и могут быть расшифрованы говорящими в процессе коммуникации. Так, специфика импликаций во многом обусловлена принципом Кооперации, который был сформулирован Г.П. Грайсом. Пресуппозиции, в свою очередь, связаны с неявными допущениями, которые считаются истинными для успешного понимания высказывания. В рамках данного подхода изучаются семантические роли и аргументная структура предикатов, а также устанавливается то, как значения слов и их сочетания формируют смысл высказываний.

5. Принципы прикладного исследования, связанные с применением методов корпусного анализа, а также сравнительно-сопоставительного изучения русского и других родственных / неродственных языков для установления как общих, так и уникальных черт их семантики. Так, в современной лингвистике для анализа семантической системы русского языка привлекаются объемные массивы текстовых данных, которые позволяют установить закономерности использования тех или иных единиц в определенных контекстуальных условиях, в том числе смысловые связи слов в различных видах дискурса. Если иметь в виду сравнительно-сопоставительное изучение русского и других языков, то этот подход активно применяется, например, в исследованиях, посвященных сравнению семантики различных групп предикатов (прежде всего глагольной лексики).

Все указанные принципы в той или иной мере учитываются нами при изучении семантических и коммуникативно-прагматических особенностей предикатов социального состояния в русском языке, которые являются объектом исследования в реферируемой работе.

В разделе 1.2. «Основные подходы к описанию предикатной лексики русского языка» рассматриваются ключевые аспекты лингвистического

анализа предикатных единиц. Термин «предикат», который используется в логике и языкознании, обозначает «конститутивный член суждения – то, что высказывается (утверждается или отрицается) о субъекте <...> Предикат – не всякая информация о субъекте, а указание на признак предмета, его состояние и отношение к другим предметам» [Языкознание 2000: 392]. В современной лингвистике разработаны различные подходы к классификации предикатной лексики: лексико-семантические, синтаксические, когнитивные, прагматические, функционально-семантические, диахронические. Например, лексико-семантическая классификация предикатов представляет собой систематизацию глагольных и именных единиц на основе их смыслового содержания и роли в структуре высказывания. Данный подход предполагает выделение категорий предикатов по их денотативным и коннотативным признакам. По мнению Ю.Д. Апресяна, ключевым критерием классификации является способность предиката выражать определенный тип ситуации (физическое действие, ментальное состояние, социальное отношение и т.д.) [Апресян 1974]. В рамках школы Н.Ю. Шведовой были разработаны детальные типологии глагольных предикатов на основе соотнесенности лексического значения и синтаксической валентности. Так, обязательная актантная структура глаголов эмоционального отношения (*любить, ненавидеть, уважать, презирать, завидовать* и т.д.), требующих при себе имен субъекта и объекта, понимается как прямое отражение их семантической двуместности. В зарубежной лингвистике значительный вклад в развитие теории предикатов внесли Ч. Филлмор и А. Вежбицкая. В частности, Ч. Филлмор предложил концепцию семантических фреймов, которая дает возможность описывать предикаты через когнитивные сценарии [Fillmore 1968]. Например, глагол *помогать* активирует фрейм «социальное взаимодействие», в рамках которого выделяются роли агента, бенефициара и действия. А. Вежбицкая разработала теорию семантических примитивов, которые, по мнению ученого, представляют собой минимальные универсальные элементы значения и могут быть применены для описания значений слов в разных языках [Wierzbicka 1996]. Так, значение прилагательного *искренний* включает в себя такие семантические примитивы, как «чувство» и «правда», а значение слова *свобода* – примитивы «возможность» и «выбор».

В рамках синтаксического подхода к описанию предикатной лексики проводится анализ синтаксических структур, в которых функционируют эти единицы. Как отмечает Ю.Д. Апресян, синтаксическая сочетаемость предикатов напрямую коррелирует с их семантикой: валентности глагола отражают типы участников социальной ситуации (агенса, объекта, адресата) [Апресян 1974]. Например, предикат *завидовать* требует обязательной конструкции с именем в дательном падеже (*завидовать коллеге, подруге, знакомому* и т.п.), что маркирует его как предикат направленной эмоции, в отличие от глагола *стыдиться*, требующего родительного падежа зависимого слова (*стыдиться поступка, трусости, грубости* и т.д.). В рамках синтаксического подхода к исследованию предикатов важным является также

их описание по грамматическим признакам. Например, глаголы со значением социальной оценки типа *осуждать*, *порицать* и т.п. чаще всего являются переходными, т.е. управляют именем существительным в винительном падеже (*осуждать поступок, поведение* и т.д.), а предикаты внутреннего эмоционального состояния выступают как непереходные и сочетаются с именами существительными в родительном или дательном падежах (*стыдиться поступка, радоваться победе* и т.п.).

Основой когнитивного подхода к классификации предикатов являются концепции Е.С. Кубряковой и Н.Н. Болдырева, которые вводят такие ключевые термины, как «концептуальные схемы», «ментальные модели», «семантические фреймы» и т.д. Например, семантика глагольного предиката *гордиться* предполагает актуализацию такой концептуальной схемы, как «субъект – достижение – социальное признание», которая репрезентирует связь личного опыта с социальными установками. Кроме того, когнитивный подход к описанию предикатов предполагает их классификацию через призму прототипных теорий, о которых было сказано выше. Например, в составе предикатов положительного эмоционального отношения прототипом будет являться глагол *любить*, тогда как периферию формируют такие единицы, как *симпатизировать*, *обожать* и т.д. Такая структура данной категории подтверждается высокой частотностью предиката *любить*, его синтаксической устойчивостью и т.д.

В рамках прагматического анализа предикатов ключевым аспектом выступает их коммуникативная функция, на что обращает внимание в своих работах И.П. Сусов, рассматривая речевые акты как основу для категоризации лексики [Сусов 1999]. Теория релевантности Д. Спербера и Д. Уилсона дополняет этот подход, акцентируя внимание на роли контекста в интерпретации высказываний. Ученые утверждают, что значение предиката формируется через взаимодействие его семантики с контекстуальными подсказками, и это делает анализ вариаций необходимым для понимания прагматической нагрузки предиката. Кроме того, в рамках прагматического подхода к описанию предикатов подчеркивается роль контекста в актуализации скрытых смыслов. Так, в высказывании «*Я перестал пить, курить, стал заниматься с молодежью*» (Никита Аронов. Трезвые и злые // «Огонек», 2014. НКРЯ) глагол *перестал* выражает пресуппозицию о том, что говорящий ранее совершал указанные действия.

Функционально-семантический подход к рассмотрению предикатов основывается на анализе их роли в структуре высказывания, который позволяет выявить связь между семантикой и синтаксисом. В частности, метод функционально-семантических полей, используемый для анализа предикатов, опирается на концепции А.В. Бондарко, Е.В. Падучевой, Т.В. Булыгиной и О.Н. Селиверстовой. Так, могут быть разграничены функционально-семантические поля предикатов действия и процессуальных предикатов. Первые (например, *резать, строить, красить* и др.) связаны с выражением агентивности и целенаправленности, а вторые (например, *развиваться,*

изменяться, улучшаться и т.д.) подчеркивают динамичность действия без указания явного агента.

Диахронический подход к анализу предикатов предполагает изучение исторических изменений их семантики и закономерностей функционирования. Он опирается на работы В.В. Виноградова, разработавшего методологию историко-семантического исследования: ученый демонстрирует то, как эволюция значений глаголов отражает социокультурные трансформации [Виноградов 1999]. Кроме того, в рамках данного подхода осуществляется описание предикатов в зависимости от этапов их семантической эволюции. В основе разграничения различных типов предикатной лексики лежит теория Дж. Байби, который определял этапы семантической динамики слов в зависимости от частотности их употребления, а также специализации значений в рамках контекста [Bybee 1994]. При этом семантическая эволюция отражает связь с когнитивными сдвигами, которые чаще всего происходят в направлении от конкретного к абстрактному. Кроме того, можно говорить о роли культурных концептов в формировании семантики слова: так, глагольный предикат *любить* в русском языке в большой мере обнаруживает связь с концептом «душевная близость», тогда как его соответствие *to love* в английском языке отличается более ярко выраженным прагматическим содержанием [Wierzbicka 1999].

В разделе 1.3. «Типология предикатов состояния в русском языке» рассматриваются основные критерии классификации данного типа предикатов в русском языке. Предикаты состояния (стативы) образуют очень широкий и разнообразный класс слов, которые относятся к разным частям речи. Л.М. Васильев включает предикаты состояния в более широкий класс бытийных предикатов, называя их бытийно-статальными и подчеркивая, что они имеют инвариантное значение «быть / не быть в каком-л. состоянии, социальном положении» [Васильев 2006: 171]. Классификация данных единиц может проводиться по разным признакам: так, по выражаемому виду состояния выделяются физиологические, эмоциональные, психологические, социальные состояния; по аспектуальным признакам разграничиваются длительные и мгновенные состояния и т.д.

Синтаксический анализ, основанный на работах Ю.Д. Апресяна и Н.Д. Арутюновой, демонстрирует, что данные предикаты характеризуются обязательным наличием актанта-экспериенцера, а также часто сочетаются с адвербиальными модификаторами интенсивности (например, *сильно болеть*, *крайняя усталость*), что подчеркивает их градуальность и способность передавать различные степени состояния [Арутюнова 1976]. Этот подход позволяет систематизировать предикаты на основе их структурных особенностей, выявляя инвариантные признаки, такие как каузативность или интенциональность, и является фундаментом для дальнейшего семантического анализа.

Во второй главе – «Семантика и функционирование предикатов социального состояния в русском языке» – с привлечением материала НКРЯ, а также примеров из медиадискурса определяются основные

семантические и коммуникативно-прагматические черты данных единиц, входящих в три группы (предикаты имущественного состояния, предикаты зависимого / независимого состояния, предикаты социального угнетения); описывается роль этих единиц в языковом конструировании социальной реальности, а также выявляются культурные и идеологические основания, которые обуславливают особенности употребления предикатов социального состояния в русском языке.

В разделе 2.1. «Предикаты социального состояния как особый класс лексико-фразеологических единиц» рассматриваются наиболее общие семантические, формальные и функциональные особенности названных единиц. В «Системном семантическом словаре русского языка. Предикатная лексика» Л.М. Васильева внутри рассматриваемых предикатов выделяются три класса: имущественного состояния, зависимого / независимого состояния и социального угнетения [Васильев 2005: 124-128]. Синтез функционально-семантического, прагматического и диахронического методов позволяет представить предикаты социального состояния как особую группу, сочетающую номинацию ролей с выражением социальных норм. Так, данные лексемы и фразеологизмы могут анализироваться с точки зрения их роли в структуре социального взаимодействия: например, глагол *руководить* предполагает актанта с агентивной семантикой и объект управления, следовательно, он формирует функционально-семантическое поле социальной иерархии. При этом данные предикаты довольно четко отражают иерархические отношения в обществе, а также изменения в нем. Например, лексема *фриланс* и ее производные, словосочетание *цифровой кочевник* и т.д. являются обозначениями нового вида трудовых и социально-экономических отношений, характерных для нынешней эпохи.

В современной лингвистике предикаты социального состояния рассматриваются как структурированное функционально-семантическое поле, в рамках которого лексические и фразеологические единицы организуются по принципу семантических оппозиций и иерархической соподчиненности. Например, предикаты имущественного состояния не только отражают экономический статус, но и кодируют культурные стереотипы, закрепленные в коллективном сознании носителей языка. Так, фразеологизм *грести деньги лопатой* актуализирует архетип «труд → богатство», восходящий к аграрным обществам, в которых физическая работа ассоциировалась с материальным успехом. Вместе с тем он несет в себе скрытую иронию: инструмент (лопата) как символ примитивного труда вступает в противоречие с современными механизмами накопления капитала. Следует подчеркнуть, что предикаты зависимости / независимости и социального угнетения традиционно рассматривались по отдельности. Вместе с тем сопоставление этих предикатов позволяет определить общие когнитивные схемы, в основе которых лежит образное моделирование социальных отношений путем отсылки к знакомым предметам, явлениям, процессам и т.д. Например, ряд анализируемых предикатов реализует метафорическую модель вертикальной иерархии. Так, глагол *поработить* сохраняет в своей семантике связь с историческими

представлениями о социально-экономической зависимости: «1. Лишить свободы, независимости, обратить в рабство. **Поработить** народы. **Поработить** страну. 2. Полностью подчинить себе, покорить. **Поработить** всех своих домашних. **Порабощен** любовью кто-л. **Порабощенный** долгом» [Большой толковый словарь русского языка: электронный ресурс].

В разделе 2.2. «Предикаты имущественного состояния» проводится комплексный анализ семантики и прагматики названной группы лексем и фразеологизмов.

В подразделе 2.2.1. «Функционально-семантические особенности языковых единиц со значением богатства / бедности» рассматриваются лексико-фразеологические единицы, составляющие ядро предикатов имущественного состояния в русском языке. Например, существительное *богатство* играет важную роль в выражении представлений о социальном состоянии: оно позволяет передать знания об экономическом благополучии, социальном неравенстве и культурной жизни общества. Прилагательное *богатый* в первом значении относится к материальному достатку, указывая на наличие большого количества денежных средств, имущества или ресурсов у человека или организации. В контексте социального состояния данное прилагательное может указывать на высокий социальный статус и наличие финансовой состоятельности. Например: «На мой вопрос о Турганове он сказал не задумываясь: – **Очень богатый человек**. – И, немного подумав, добавил: – **И очень плохой человек**» (Владимир Войнович. *Иванькиада*, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру, 1976. НКРЯ). Кроме того, прилагательное *богатый* может использоваться для создания контраста или выделения конкретных характеристик, связанных с образом жизни, например: «**И это издававшее аромат, брошенное на вешалку платье, странным образом возбуждая мечтательность, говорило Чудинову о владельцах вещей – беспечных, богатых, вероятно, веселых**» (А.И. Куприн. *Жрец*, 1905. НКРЯ).

Если иметь в виду функционально-семантические особенности антонимических лексем, прежде всего слова *бедность*, то в контексте конкретных ситуаций соответствующая лексема обозначает тяжелое материальное положение людей: «**Человек готов жить в бедности, под открытым небом, готов всю жизнь добиваться признания собственных талантов, но при этом надо, чтобы его кто-то любил**» (Олег Грибков. *Уставшие от жизни // «Знание – сила»*, 2005. НКРЯ). При этом абстрактное значение данной лексемы связано с ее метафорическим использованием, которое позволяет выражать идеи убожества и ограниченности в различных сферах деятельности или мышления: «**В конце концов – что все это уродство обозначает? Нищету духа и бедность воображения? Оскудение идеализма и упадок вкуса?**» В.А. Солоухин. *Письма из Русского музея*, 1966. НКРЯ). Прилагательное *бедный* в русском языке обладает целым рядом функционально-семантических особенностей. Так, оно часто используется в экономическом и социальном контексте для описания отсутствия материальных благ и недостатка средств у индивидуумов или групп людей:

«Думая о новом названии, я прочитал книгу Райнерта "Как богатые страны стали богатыми и почему **бедные страны** остаются бедными"» (Ольга Балла, Александр Пилясов. Экономика смыслов // «Знание – сила», 2013. НКРЯ).

Среди единиц микрополей богатства / бедности в русском языке ключевую роль играют глаголы и их фразеологические соответствия, обозначающие процессы обогащения / обнищания и отражающие не только экономические реалии, но и связанные с ними общественные установки.

I. Лексико-семантическая группа «богатство» включает в себя глаголы и устойчивые сочетания, которые описывают процесс обогащения и его результат – финансовое благополучие. Внутри данной группы разграничиваются несколько подгрупп:

1. Обретение богатства

В анализируемую подгруппу входит целый ряд лексем и фразеологизмов, обладающих не только сходными, но и различительными семантическими и коммуникативно-прагматическими особенностями. Так, сочетания *становиться / стать богатым (состоятельным)* являются номинантами достижения финансового процветания, поэтому в рассматриваемых примерах довольно часто употребляются для языковой репрезентации изменений в социально-экономическом положении людей: «В начале 1990-х в России в ходу были два афоризма: "**Стать богатым** очень легко – надо взять кредит и не отдать" и "**В России кредиты** отдают только трусы"» (А.А. Аузан. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь // «Кот Шрёдингера», 2016. НКРЯ). Устойчивое сочетание *обзаводиться (обзавестись) богатством* актуализирует представления о процессе накопления капитала и материальных ценностей, подчеркивает не только результат, но и целенаправленные усилия, стратегическое планирование и постепенное приобретение материальных благ.

2. Достижение высокого уровня благосостояния

Данная подгруппа объединяет глагольные лексемы и устойчивые обороты, которые указывают на результат обогащения, при этом их функциональная семантика может быть связана с акцентированием того или иного аспекта указанного процесса. По данным Толкового словаря русского языка Д.Н. Ушакова, лексема *благоденствовать* обозначает высокий уровень удовлетворенности и финансовой стабильности, который достигается в условиях благополучия [Ушаков: электронный ресурс]. Данный предикат часто употребляется в текстах экономического содержания для передачи представлений о состоянии процветания: «Уверен, что будет процветать Россия, а Грузия **благоденствовать** рядом с ней» (Знаменитые грузины говорят... // «Аргументы и факты», 06.10.2006. НКРЯ).

3. Способы получения богатства

Анализируемые глаголы и фразеологизмы довольно четко противопоставлены по своему коннотативному значению, поскольку описывают позитивно или негативно оцениваемые в обществе способы обогащения. Так, для устойчивых сочетаний *греть (погреть, нагреть) руки на*

чем-л. во Фразеологическом словаре русского литературного языка А.И. Федорова указывается следующее значение: «наживаться за счет кого-либо или чего-либо» [Федоров: электронный ресурс]. Эти обороты выражают представления о корыстных и незаконных способах получения материальных благ, поэтому обычно употребляются в контекстах, которые связаны с критикой нечестных, мошеннических способов обогащения: экономических махинаций, коррупции и т.д. Например: «Сколько можно позволять нефтяным монополистам бесконтрольно **греть руки** на собственном народе?» ([Есть решения] Ваши вопросы от 23.08.2005 // «Аргументы и факты», 24.08.2005. НКРЯ).

2. Крайняя степень бедности

В данную подгруппу включаются языковые единицы, среди которых можно отметить устойчивые словосочетания *впадать / впасть в бедность* (*нищету*), обозначающие переход в состояние крайней нужды и нехватки самых необходимых средств для существования. В статьях экономического содержания эти единицы служат для описания последствий кризисов, подчеркивая тяжесть экономического положения и его влияние на жизнь людей: «— Но, для того чтобы люди не **впадали в бедность**, чтобы экономический кризис не усугублялся, сейчас прошу каждого осознать важность момента и степень личной ответственности» (Инна Алейникова. Искусство выживания. Как переживают эпидемию национальные диаспоры столицы // «Аргументы и факты», 21.04.2020. НКРЯ).

В анализируемую подгруппу включаются также глагольные лексемы *нищать / обнищать*, которые имеют значение «беднеть, разоряться, впадать в нищету» [Ушаков: электронный ресурс]. Данные глаголы в основном употребляются с целью передачи представлений о социальных и экономических катастрофах, при этом акцентируя внимание на крайней степени бедности и ее последствиях: «Миллионы сирийцев **обнищали**, 800 тысяч фермеров лишились почти всего имущества, сотни тысяч людей хлынули в города, где их никто не ждал» (Алексей Наумов. Русский ответ // lenta.ru, 30.09.2019. НКРЯ).

3. Финансовый крах

Эта подгруппа содержит ряд компонентов, которые иллюстрируют градацию финансовых трудностей от временных затруднений до полного краха. Фразеологизмы *оказываться / оказаться (очутиться) на мели* отражают ситуацию внезапной нехватки средств, часто носящую временный характер и связанную с повседневными трудностями. Глагол *разоряться / разориться* обозначает более серьезную потерю благосостояния, ведущую к обнищанию и неформальному банкротству, что подчеркивает последствия ошибок в управлении финансами. Наконец, предикат *обанкротиться* подразумевает официальное признание финансовой несостоятельности с юридическими последствиями, указывая на полную невозможность выполнить обязательства. Эта последовательность демонстрирует то, как язык точно передает экономические реалии, отображая усугубление проблем от личных трудностей до системных кризисов.

В подразделе 2.2.2. «Семантическая оппозиция «богатство – бедность» в русском языке: основные параметры» рассматриваются содержательные и коммуникативно-прагматические характеристики предикатов имущественного статуса в зеркале оппозиций. Установлено, что предикаты имущественного состояния (*богатеть, копить, разоряться, транжирить* и др.) организуются по принципу системной асимметрии, в рамках которой богатство кодируется через активные действия, а бедность – через пассивные состояния. Так, представляет интерес глагол *богатеть*: в 65% примеров из НКРЯ он представлен в конструкциях, подчеркивающих социальное неравенство. Антонимический предикат *бедствовать*, который означает «сильно нуждаться, жить в нищете» [Ушаков: электронный ресурс], в 78% случаев сочетается с адвербиальными маркерами длительности (*десятилетиями, постоянно* и т.д.) и каузативными конструкциями (*из-за кризиса, вследствие безработицы* и под.), за счет чего формируется представление о структурной, а не ситуативной обусловленности данного социального состояния. Например, в медийных текстах (РИА Новости, Коммерсантъ, Труд-7 и др.) прослеживается тенденция к использованию данного глагола при описании негативных социальных явлений: «*Большинство сельских и районных ДК продолжают бедствовать при растущих дотациях...*» (Варфоломеев Пятёрым. Изголодавшиеся таланты // «Труд-7», 18.02.2003. НКРЯ). Выявлено, что субъект обогащения часто выступает как абстрактный и коллективный, тогда как субъект обнищания – как конкретный и индивидуализированный.

Когнитивный аспект рассматриваемой оппозиции раскрывается через пространственные метафоры. Так, концептуализация богатства как вертикального восхождения (*подняться на социальную вершину*) и бедности как падения (*скатиться на дно*) восходит к архетипу «власть – верх», характерному для традиционных обществ. Антропоморфные метафоры репрезентируют экономические абстракции через телесные коды, создавая эффект «оживления» процессов, например: «*Долги душат их. Многие уже запродали свой хлеб на корню или забрали под него денег не в меру*» (М.Л. Казем-Бек. Дневник, 1891. НКРЯ).

Прагматическая маркированность оппозиции «богатство – бедность» проявляется в идеологической нагруженности лексики. Как отмечает М.М. Давыдова, эвфемизация бедности служит инструментом смягчения социального неравенства [Давыдова 2023]. Кроме того, многие анализируемые единицы неявно выражают иронию, которая маскирует противоречия между идеалом справедливости и реальностью. Ср.: *беден как церковная мышь* «Разг. Экспрес. Об очень бедном человеке» [Федоров: электронный ресурс] – *богат, как Крез* «Из античной истории. Крез (первая половина VI до н.э.) – царь Лидии, рабовладельческого торгового государства, и как пишет древнегреческий историк Геродот в своей «Истории», был обладателем несметных сокровищ» [Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: электронный ресурс].

Как видим, семантическая оппозиция «богатство – бедность» функционирует как лингвосоциокультурный механизм, в рамках которого системная асимметрия предикатов отражает глубинные социальные иерархии. Проведенный анализ позволяет выявить роль языка в конструировании идеологических доминант. Так, наблюдается асимметрия в количестве и оценочной маркированности лексических единиц: больше единиц с негативной окраской (*грести (загрести) лопатой деньги (золото, серебро), оказываться / оказаться на мели, впадать / впасть в нищету* и др.).

В подразделе 2.2.3. «Аспектуально-темпоральная специфика инхотативов / результативов со значением имущественного состояния» выявляется соотношение видовых пар с этапами изменения состояния (*богатеть / разбогатеть* и т.д.), а также связь каузативов (например: *обогащать, делать богатым* и под.) с семантикой контроля и социальной иерархии. Так, корпусный анализ НКРЯ (2010–2023 гг.) подтверждает, что сов. вид чаще используется в контекстах, описывающих резкие социальные изменения (63 примера: *разбогатеть в результате кризиса* и др.), тогда как несов. вид – в высказываниях, раскрывающих эволюционные процессы (47 примеров: *богатеть благодаря инвестициям* и т.д.). Семантика контроля, неявно представленная в видовых парах, актуализируется через связь с каузативными конструкциями. Каузативы типа *обогащать, разорить* и т.д. отражают иерархию агентов, а именно: субъект, обладающий властью над ресурсами, – объект, по отношению к которому совершаются манипуляции. Например: «*В нынешнем кризисе недовольство направлено против банкиров. Это неудивительно. Их спекуляции **разорили** акционеров, потребителей и экономику*» (<https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2009/02/19/obschestvo-i-krizis-dogovor-dorozhe-deneg>). Таким образом, активное обогащение обобщается с помощью отвлеченных существительных (*рынок, реформы* и т.д.), тогда как обнищание персонализируется.

С точки зрения аспектуально-темпоральной системы русского языка социальная иерархия проявляется через семантику присвоения ресурсов. В имущественном контексте такое обладание часто связывается с нелегитимностью, но иногда отрицательная оценка нейтрализуется, например: «*Станислав Якубовский лично работал в собственной кондитерской. Так постепенно он **нажил капитал**, приобрел несколько каменных домов*» (<https://zavodfoto.livejournal.com/5694143.html>). Аналогично этому глаголы несов. вида (*копить, наживать* и т.д.) также выражают нейтральную оценку, фокусируясь на процессе: «*Пенсионер из Могилева **годами копил** 157 тысяч рублей, но на раз-два перечислил все лжеброкерам*» (<https://www.kp.ru/online/news/3920123/?ysclid=moodpa44sp909680215>). Идея контроля над ресурсами проявляется в специфическом грамматическом оформлении каузативных глаголов, обозначающих имущественное состояние. Например, контексты с каузативами, имеющими абстрактного агента, часто описывают обогащение как неконтролируемый процесс: «*Удачная сделка **обогастила** предпринимателя. Его внезапно **обогастило** тёткино наследство. Доход от продажи изобретения **обогастил** предприятие. Лишняя сотня едва*

ли **обога~~тит~~ тебя**» [Большой толковый словарь русского языка: электронный ресурс]. Напротив, предикаты с антонимическим значением типа *разорить* предполагают конкретного агенса, репрезентируя его активную роль в экономических операциях: «А Вандерbilt просто **разорил** своего конкурента, переманив пассажиров более низкими ценами» (<https://www.kommersant.ru/doc/6743310?ysclid=mo0e4c4qrz860300732>).

В подразделе 2.2.4. «Когнитивные модели обогащения / обнищания» рассматриваются пространственные метафоры, описывающие социальное состояние (*впасть / впасть в нищету, подниматься / подняться на ноги* и т.д.) в контексте вертикальной ориентации (up-down schema), а также культурно-исторические коннотации устаревших лексем типа *барствовать, жировать* и т.д.

Как отмечают Дж. Лакофф и М. Джонсон [Лакофф, Джонсон 2004], вертикальная ось служит универсальным когнитивным инструментом для концептуализации абстрактных понятий. В русском языке это проявляется в сфере предикатов имущественного состояния, с помощью которых восходящее движение кодирует идею социального прогресса, например: «Этот Центр – наша Надежда и Шанс **подняться на ноги** и вести нормальную жизнь» (Помогите Сереже! // «Русский репортер», 2014. НКРЯ) и т.д. В то же время нисходящее движение символизирует деградацию: «Замученный ревматизмом, я долго лежал в госпитале и вышел, чтобы снова **впасть в нищету**» (Н.П. Кончаловская. Волшебство и трудолюбие, 1989. НКРЯ) и др. Выявлено также, что предикаты с положительной оценкой (*преуспевать, процветать* и т.д.) чаще встречаются в контекстах коллективного успеха: «Матушкин: цель тамбовских депутатов – сделать регион **процветающим**» (<https://ria.ru/20240424/matushkin-1942097675.html?ysclid=mo0i7tg7dc52237102>). В то же время индивидуализированное обогащение, описываемое с помощью предикатов *нажиться, сколотить состояние* и т.д., маркируется негативно: «Ярославский миллиардер попал в топ богатейших людей России по версии Forbes. На чём он **сколотил состояние**» (<https://76.ru/text/business/2024/04/08/73416284/?ysclid=mo0ifynrvc847699918>) и др. Таким образом, когнитивные модели не просто отражают, но и формируют представления о моральной оценке имущественных отношений.

В рамках русской лингвокультуры вертикальная ось, которая формально соответствует универсальным представлениям, получает своеобразное осмысление. Метафорическая модель «верх – низ» выражает двойственный смысл: с одной стороны, восхождение по экономической лестнице воспринимается как социальный успех, с другой стороны – как моральный упадок. Кроме того, интерпретация обогащения и обнищания, характерная для русской лингвокультуры, находит и грамматическое выражение. Например, предикаты со значением обогащения (*урвать, нажиться, разбогатеть* и т.д.) часто сочетаются с наречиями, имеющими семантику моментальности (*вдруг, внезапно, неожиданно* и т.д.): «Мужчина **неожиданно разбогател** на 12 миллионов рублей во время похода в спортзал»

(<https://lenta.ru/news/2025/11/12/schastlivchik-neozhidanno-razbogatel-na-12-millionov-rubley-vo-vremya-pohoda-v-sportzal/?ysclid=moojs5lxa98268168>) и т.д. Напротив, предикаты со значением обнищания (*скатываться в бедность, влезать в долги* и др.) употребляются совместно с наречиями, имеющими значение неотвратимости (*неуклонно, постоянно, обычно* и под.): «Бедные люди, по мнению россиян, вынуждены **постоянно влезать в долги**, их дети не имеют шансов получить хорошее образование, а взрослые – **повысить квалификацию**» (https://rg.ru/2013/06/21/bednost.html?ysclid=mook8aw05j976461689&utm_refer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F).

В разделе 2.3. «Предикаты зависимого / независимого состояния» рассматриваются важнейшие семантические и прагматические особенности указанных предикатов.

В подразделе 2.3.1. «Общая характеристика анализируемых предикатов» выявляются ключевые признаки предикатов зависимого / независимого состояния. Предикаты данной группы обозначают явления, которые определяют способ взаимодействия человека с обществом. К ним относятся такие единицы, как *освободиться, подчиняться, зависеть, зависимый, свободный, зависимость, свобода* и т.д. Анализ данных предикатов может проводиться с учетом их семантики и особенностей функционирования в рамках определенных синтаксических конструкций. Например, глагол *подчиняться*, имеющий значение «оказываться (оказаться) в зависимости от кого-, чего-л., в повиновении у кого-л.; поступать (поступить) согласно воле, желанию кого-л., воздействию, предписанию чего-л., покорившись чьей-л. силе» [Большой толковый словарь русских глаголов: электронный ресурс], требует при себе дополнения в дательном падеже (*подчиняться кому-л.*), следовательно, выражает представления о наличии определенной социальной иерархии: «Славянские города, отстаивая свою независимость, не хотели **подчиняться** Москве» [Большой толковый словарь русских глаголов: электронный ресурс]. Аналогично этому лексема *зависеть* имеет значение «быть подчиненным чьей-нибудь воле; находиться в чьей-нибудь воле, власти; иметь нужду в чьей-нибудь помощи, содействии» [Ушаков: электронный ресурс]. Напротив, языковые единицы с антонимическим значением означают отсутствие социальной зависимости, при этом в некоторых случаях они представляют собой устойчивые обороты: *освободиться / освободиться, <быть> на свободе, обрести / обрести свободу, вырваться / вырваться на свободу, разрывать / разорвать цепи, свергать / свергнуть чей-л. гнет (иго)* и т.д.: «Ему показалось, что в остроге ее [жизнь] любят и ценят и более дорожат ею, чем **на свободе**» [Федоров: электронный ресурс] и др.

Категория зависимости включает предикаты, выражающие различные формы зависимости, такие как подчинение и обязательства. Например, глагол *подчиняться* указывает на обязательность соблюдения норм, тогда как предикат *зависеть* выражает личностную или материальную зависимость: «**Зависеть** от начальника. **Зависеть** от чьей-либо воли, чьего-либо желания.

*В материальном отношении ни от кого не **зависеть***» [Большой толковый словарь русского языка: электронный ресурс]. Категория независимости включает предикаты, выражающие автономию, самостоятельность и свободу выбора, такие как *свободный, независимый, освободиться / освободиться, даровать свободу, отпускать / отпустить на свободу* и т.д.: «Он не хотел **освободиться** от влияния Раисы Павловны» [Большой толковый словарь русских глаголов: электронный ресурс].

В подразделе 2.3.2. «Актантная структура каузативов со значением **зависимого / независимого состояния**» осуществляется анализ указанной структуры предикатов в рамках оппозиции *подчинять – освободить*, который позволяет выявить глубинные связи между грамматическими явлениями и отражаемой ими социальной иерархией. Так, актантная модель глагола *подчинять* предполагает наличие трех семантических ролей: агенса (субъект власти), пациенса (объект подчинения) и инструмента (механизм принуждения), при этом третий элемент может отсутствовать. Например, в конструкциях «*Университет **подчинён** министерству. **Подчинить** лабораторию городскому комитету*» [Большой толковый словарь русского языка: электронный ресурс] агенсы (*министерство, городской комитет*) обладают институциональным статусом, пациенсы (*университет, лаборатория*) предстают как объект внешнего контроля. В конструкциях с антонимичным глаголом *освободить* инструмент тоже часто опускается или заменяется предложно-падежной формой: «Он **освободил** меня *от* рамок, в которые я сам себя загнал» (Rendez-vous // «Экран и сцена», 2004.05.06. НКРЯ).

Контекстуальная вариативность предикатов зависимости, таких как *попадать в кабалу, оказываться в кабале* и под., демонстрирует то, как языковые единицы адаптируются к дискурсивным условиям. Например, в юридическом и медийном видах дискурса данные предикаты во многом теряют эмоциональную нагрузку, приобретая значение правовой обязанности. При этом вместе с существительным *кабала* часто используются определения *долговая, кредитная, семейная* и под., например: «*Памятка заемщику: как быть, если вы **оказались** в **долговой кабале***» (<https://www.kp.ru/daily/26147/3036722/?ysclid=mnopcubi7nk680477188>) и т.д. Однако в семантике данных устойчивых сочетаний так или иначе актуализируется метафорический слой, связанный с исторической памятью о крепостном праве. При этом синтаксическая структура может поддерживать данный перенос: форма винительного или предложного падежа с предлогом *в* (*в кабалу, в кабале*) актуализирует пространственную метафору подчинения как погружения в ограниченное пространство. Процессы метафоризации лежат в основе и других устойчивых сочетаний, выражающих значение зависимости, например: «*Меч, занесенный над старым миром рабочей рукой, разрубает вековые **оковы рабства***» (Э. Дмитриев. От эмблемы – к реальному воплощению // «Химия и жизнь», 1967. НКРЯ).

Анализ актантных структур предикатов **зависимого / независимого состояния** позволяет говорить о грамматикализации социального конфликта.

В конструкциях с глаголом *подчинять* форма дательного падежа не только указывает на метод (механизм контроля), но и отодвигает на второй план ответственность агенса. Например: «*Сейчас экономика должна **быть подчинена** политике. Всю жизнь в стране война **подчинила** себе*» [Большой толковый словарь русского языка: электронный ресурс] и т.д. Напротив, при употреблении глагола *освободить* фокусом становится источник угнетения, выраженный формой родительного падежа с предлогами *из*, *из-под*, *от*, например: «***Освободить из-под** стражи. **Освободить из** заточения. **Освободить** страну **от** оккупантов*» и др. [Большой толковый словарь русского языка: электронный ресурс].

В подразделе 2.3.3. «Прагматическая специфика предикатов независимого состояния (на примере языковых единиц со значением освобождения)» выявляются основные прагматические характеристики данных предикатов. Так, в юридическом дискурсе, где подлежащее часто отсутствует или выражается абстрактным существительным, может грамматически устраняться субъект принуждения: «*Не подлежат налогообложению (**освобождаются от** налогообложения) следующие виды доходов физических лиц*» (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/625f7f7ad302ab285fe87457521eb265c7dbee3c/?ysclid=mopjt8kroy373563139).

Когнитивный аспект прагматики освобождения раскрывается через анализ пространственных метафор, реконструируемых на основе синтаксических структур. Конструкции, включающие форму родительного падежа с предлогом *из*, актуализируют метафорическую модель «свобода как выход из ограниченного пространства», например: «*Хочется **вырваться из тисков** этой пошлости, но ничего не выходит*» (Б.И. Вронский. Дневник, 1953. НКРЯ). Современные примеры демонстрируют то, что в них используется та же грамматическая модель: «*В своем кругу: как **выбраться из "информационного пузыря"** в соцсетях*» (<https://trends.rbc.ru/trends/social/6152cf719a79478a1783fb24?ysclid=mopk4zh0js172495197>). Этот феномен свидетельствует о синтаксическом консерватизме, при котором грамматические структуры сохраняют идеологическую преемственность даже при изменении семантики. Например, современное выражение *долговая кабала* «наследует» не только лексическую единицу, но и синтаксическую конструкцию (*попасть в кабалу*), которая позволяет выразить представления о новых формах экономической зависимости.

Анализ прагматического аспекта предикатов со значением освобождения показывает, что грамматические конструкции являются активным механизмом конструирования социальных отношений. При этом использование средств эвфемизация и иронии при выражении семантики независимости (например, глаголов *отвязываться*, *отделяться* и под.) имеет большую функциональную нагрузку. С одной стороны, такие языковые единицы смягчают социальную критику, с другой – скрыто выражают идею контроля через утверждение независимости. Исследование пространственных метафор демонстрирует, что устаревшие формы (например, лексемы *кабала*,

оковы и т.д.) активно используются в современных контекстах (*долговая, кредитная, информационная кабала* и т.д.). Тем самым они свидетельствуют не только об упомянутом выше синтаксическом консерватизме, но и о своеобразной преемственности между прежними и современными формами социально-экономической зависимости.

В подразделе 2.3.4. «Диахроническая семантика предикатов зависимого состояния» выявляются связи между языковыми процессами и изменениями в социальной жизни. Так, в современных контекстах глагольный предикат *освободиться* используется в трехактантных конструкциях, но конкретный агент часто замещается наименованиями абстрактных предметов, например: «*Освободиться от предрассудков. Освободиться от опеки. Освободиться от власти тирана. Освободиться от диктата родителей*» [Большой толковый словарь русского языка: электронный ресурс]. Эти примеры демонстрируют переход от физического к символическому принуждению. Интересными являются результаты сопоставительного анализа эволюции лексического состава анализируемой группы и устойчивости тех грамматических структур, в которых они употребляются. Так, конструкция «*в кабале у + форма родительного падежа*», которая использовалась в русском языке XIX века, и в настоящее время применяется довольно активно, прежде всего в медиадискурсе. При этом семантика лексемы *кабала* изменяется, а именно юридический термин превращается в метафору экономического принуждения.

В разделе 2.4. «Предикаты социального угнетения» описываются основные содержательные и функциональные особенности данных единиц.

В подразделе 2.4.1. «Семантические оппозиции и актантная структура предикатов социального угнетения» проводится анализ названных единиц (*подчинять, поработать, закабалить* и под.) с позиций функционально-семантического, прагматического и когнитивного подходов. Бинарные противопоставления (в нашем случае это «угнетение – освобождение», «господство – подчинение») формируют очень важные характеристики семантической системы, отражая диалектику социальных отношений. Такие оппозиции не ограничиваются отражением существующего положения вещей, а активно формируют социальную реальность посредством языковых средств. Примером служит глагол *угнетать*, который противопоставляется лексеме *раскрепощать* в рамках политического и медийного дискурса. В исторических документах XIX в. («Свод законов Российской империи») глагол *угнетать* имел конкретное значение «лишать прав», тогда как в современном языке он метафоризируется: «*Бывают угнетающие изменения. Узнав о них, сильные сотрудники бегут из компании*» [<https://www.rbc.ru/education/25/11/2025/690dc67d9a794770d5e85595?ysclid=moprm8k41v367011850>].

Анализ актантной структуры предикатов угнетения требует учета трех ключевых ролей: агент – активный субъект власти (*тиран, система* и т.д.); пациенс – объект воздействия (*народ, работник* и под.); инструмент – средство реализации угнетения (*законы, долги* и т.д.). Приведем примеры из

современного медиадискурса: «*Корпорации побеждают чиновников и поработят мир*» (<https://www.interfax.ru/business/339001>). Здесь агенс – *корпорации*; пациенс – *мир*. Исследование показывает, что оппозиция «угнетение – освобождение» динамична: диахронические изменения (например, переход *закрепощать* → *угнетать*) отражают адаптацию языка к трансформации социальных отношений.

Когнитивный подход, разработанный Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [Лакофф, Джонсон 2004], позволяет выявить метафоры, лежащие в основе предикатов угнетения: **вертикальная схема** (власть наверху → угнетенные внизу): *опуститься на дно*; **контейнерная метафора** (угнетение как замкнутое пространство): *вырваться из тисков*. Метафора «оковы → социальные ограничения» возникла из физического опыта телесного закрепощения. Этот сдвиг иллюстрирует диахронический принцип, согласно которому эволюция семантики предикатов коррелирует с изменениями социальных институтов. Данные модели, коренящиеся в телесном опыте (по Дж. Лакоффу и М. Джонсону), универсальны, но их конкретные реализации культурно специфичны. Например, в русском языке лексема *оковы* ассоциируется с классовым угнетением, тогда как в английском языке выражение *chains of oppression* чаще связано с расовой дискриминацией.

Прагматический анализ выявляет идеологическую функцию предикатов угнетения. Выбор той или иной лексемы (*притеснять* / *угнетать*) позволяет смягчить или усилить критику. Анализ политических выступлений показывает, что метафора рабства нередко используется для конструирования образа внешнего врага: «*Запад пытается навязать всему миру модель тоталитарного либерализма, культуру отмены и повсеместные запреты, заявил на встрече с думскими фракциями президент России Владимир Путин <...> По его словам, многие страны "устали стоять на коленях", "унижаться перед теми, кто считает себя исключительными" и "обслуживать их интересы в ущерб себе"*» (<https://news.ru/vlast/putin-zayavil-o-popytkah-zapada-navyazat-miru-totalitarnyj-liberalizm?ysclid=mlkmigcagz482107206>).

В подразделе 2.4.2. «**Аспектуально-прагматические характеристики рассматриваемых предикатов**» определяются названные особенности предикатов социального угнетения. Прагматический анализ данных единиц выявляет контекстуальную вариативность, которая проявляется в их переосмыслении: например, глагол *закрепощать* и его производные в русском языке XVI–XVII вв. обозначал юридическое закрепление крепостного права (согласно документу «Соборное уложение 1649 г.»), тогда как в современном русском языке он архаизировался, сохранившись обычно лишь в художественной речи.

Диахронический подход к аспектуальным характеристикам предикатов угнетения раскрывает их эволюцию. Так, устаревшие глаголы (*неволить*, *закрепощать* и под.) постепенно заменяются более абстрактными (*угнетать*, *ограничивать* и т.д.) в связи с изменением социальных практик. Например: в русском языке XIX в. устойчивый оборот *попасть в кабалу*

относился к долговому рабству, а в XXI в. этот оборот описывает зависимость от микрокредитов (*попасть в кредитную кабалу*). Таким образом, аспектуальные значения (длительность – моментальность) адаптируются к обозначению новых реалий. Например, глагол *поработать* и его производные в контексте цифровых технологий сохраняют дуративную семантику, но приобретают новые инструментальные актанты (*поработание алгоритмами*).

Когнитивный анализ этих лексем подтверждает, что характерные для них пространственные метафоры (*оковы, цепи, тиски* и т.п.) подразумевают понимание угнетения как физически ограниченного пространства, однако в современных контекстах эти метафорические модели изменяются. Например, словосочетания *цифровое (алгоритмическое, информационное, высокотехнологичное* и под.) *рабство* описывают подчинение через информационные технологии.

В подразделе 2.4.3. «Когнитивно-диахронические модели в сфере предикатов социального угнетения» рассматриваются когнитивные метафоры, связанные с семантикой угнетения, в том числе пространственные схемы (вертикальная иерархия, например: *быть под гнетом*), символизация физических ограничений (*оковы, тиски, цепи* → социальная несвобода), а также архаизация (например, *закрепощать* → *угнетать*) и содержательная адаптация анализируемых предикатов в современных контекстах. Так, метафора вертикальной иерархии (*власть наверху* → *угнетенные внизу*) проецирует пространственную схему «верх – низ» на социальную стратификацию. Такие метафоры, как *оковы* или *цепи*, возникают из телесного опыта ограничения: в древнерусских текстах лексема *оковы* обозначала физические кандалы, тогда как в современном политическом и медийном дискурсе она символизирует административные барьеры. Как отмечают исследователи, адаптация лексики к современным реалиям связана с механизмом вторичной номинации [Ивашкевич 2011]. Например, лексема *рабство*, изначально обозначавшая правовой статус, в XXI в. создает гибридную метафору: *энергетическое рабство* (зависимость от импорта ресурсов); *цифровое (алгоритмическое, информационное, высокотехнологичное) рабство* (контроль через Big Data) и т.д. Такие метафорические единицы часто используются в медиадискурсе для манипуляции общественным сознанием.

Когнитивные модели социального угнетения культурно обусловлены. Например, в русском языке лексема *иго* (*татаро-монгольское иго*) исторически связана с внешней угрозой, тогда как в китайском языке аналогичный концепт (束縛 – «оковы») акцентирует внутренние социальные ограничения; в русском языке выражение *оковы прошлого* описывает сопротивление угнетению (чаще всего в политическом контексте), а в китайских медиа («Жэньминь жибао», 2023 г.) аналогичный термин (历史包袱 – «груз истории») описывает наследие культурной революции, при этом имеется в виду коллективная ответственность в конфуцианском духе.

В **Заключении** в обобщенном виде излагаются результаты проведенного исследования и определяются перспективы дальнейшего

изучения рассматриваемой проблематики.

Рабочая гипотеза исследования о том, что предикаты социального состояния в русском языке обладают рядом семантических и коммуникативно-прагматических свойств, к числу которых можно отнести довольно четкое противопоставление данных единиц по оценочному признаку, контекстуальную вариативность их значения, использование ряда продуктивных метафорических моделей для языкового выражения представлений о социальном состоянии, соотнесенность с социальными практиками, идеологическими и ценностными установками языкового коллектива, обуславливающими особенности употребления рассматриваемых единиц в определенных видах дискурса, получила подтверждение в ходе исследования.

К перспективам дальнейшего исследования предикатов социального состояния в русском языке можно отнести следующие: во-первых, представляет интерес углубленный анализ особенностей использования данных единиц в различных видах дискурса (медийном, политическом, научном, художественном и т.д.); во-вторых, актуальным является сравнительно-сопоставительное исследование этой группы предикатов в разных языках (как родственных, так и неродственных): например, интересным представляется изучение метафор в цифровую эпоху, а также того, как ИИ-инструменты влияют на семантику предикатов угнетения в русском и других языках; в-третьих, значимым можно считать детальный диахронический анализ семантики и функционирования предикатов социального состояния; в-четвертых, приобретает актуальность экспериментальное изучение восприятия этих предикатов рядовыми носителями русского языка.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Публикации в рецензируемых изданиях, включенных в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации:

1. Сунь Фэнпин. Функционально-семантическая специфика элементов микрополя «бедность» в русском языке / Фэнпин Сунь // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17. Вып. 6. – С. 2020-2026. – DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20240289>

2. Сунь Фэнпин. Особенности функционирования лексико-фразеологических предикатов со значением богатства / бедности в современном русском языке / Фэнпин Сунь, Л.А. Киселева // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2025. – № 31 (1). – С. 136-142. – DOI: [10.18287/2542-0445-2025-31-1-136-142](https://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-1-136-142)

3. Сунь Фэнпин. Предикаты со значением богатства / бедности как языковые маркеры динамики социального состояния / Фэнпин Сунь // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 18. Вып. 5. – С. 1870-1876. – DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20250265>

Публикации в иных научных изданиях:

4. Сунь Фэнпин. Особенности употребления предикатов социального состояния в медиатекстах экономического содержания / Фэнпин Сунь // Актуальные проблемы лингвистики XXI века: сборник научных статей, посвященный юбилею Л.Б. Карпенко, д-ра филол. наук, проф. / отв. ред. Н.А. Илюхина. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2023. – С. 135-141.

5. Сунь Фэнпин. Учет семантической специфики русского языка в процессе его преподавания в китайскоязычной аудитории / Фэнпин Сунь // Майские чтения (Язык и репрезентация культурных кодов): материалы XIII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции молодых ученых, Самара, 16 мая 2023 г. / под общ. ред. А.А. Безруковой. – Самара: Издательство Самарского университета, 2024. – С. 41-46.

6. Сунь Фэнпин. Функциональная семантика предикатов социального состояния в русском языке (на примере микрополя «Богатство») / Фэнпин Сунь // Актуальные вопросы теории и практики перевода в контексте межкультурного взаимодействия: сборник научных статей / отв. ред. Н.В. Кормилина, Н.Ю. Шугаева [Электронный ресурс]. – Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет, 2024. – С. 73-79.

7. Сунь Фэнпин. Предикаты социальной зависимости / независимости в русском языке: системный и функциональный аспекты / Фэнпин Сунь // Вопросы иноязычной филологии и переводоведения: новые подходы и актуальные исследования: сборник научных статей / отв. ред. Н.В. Кормилина, Н.Ю. Шугаева [Электронный ресурс]. – Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет, 2024. – С. 469-474.

8. Сунь Фэнпин. Семантика и прагматика предикатов социального состояния в рамках цифровой коммуникации / Фэнпин Сунь // Цифровая коммуникация, цифровая идентичность в условиях глобализации: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Уфа, 29 ноября 2024 г. / отв. ред. Н.П. Пешкова, А.С. Самигуллина [Электронный ресурс]. – Уфа: РИЦ УУНиТ, 2024. – С. 172-176.

9. Сунь Фэнпин. Семантика и употребление глаголов, выражающих социальное состояние в русском языке: анализ корпусных данных / Фэнпин Сунь // Вопросы межкультурной коммуникации и теории перевода в контексте современных исследований: сборник научных статей / отв. ред. Н.В. Кормилина, Н.Ю. Шугаева [Электронный ресурс]. – Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет, 2025. – С. 71-75.

10. Сунь Фэнпин. Лингвокультурная специфика фразеологизмов со значением социального состояния в русском языке / Фэнпин Сунь // Человек в информационном обществе: сборник материалов третьей международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, Самара, 23–26 апреля 2025 г. / под общ. ред. А.Ю. Нестерова. – Самара: Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королёва, 2025. – С. 558-561.